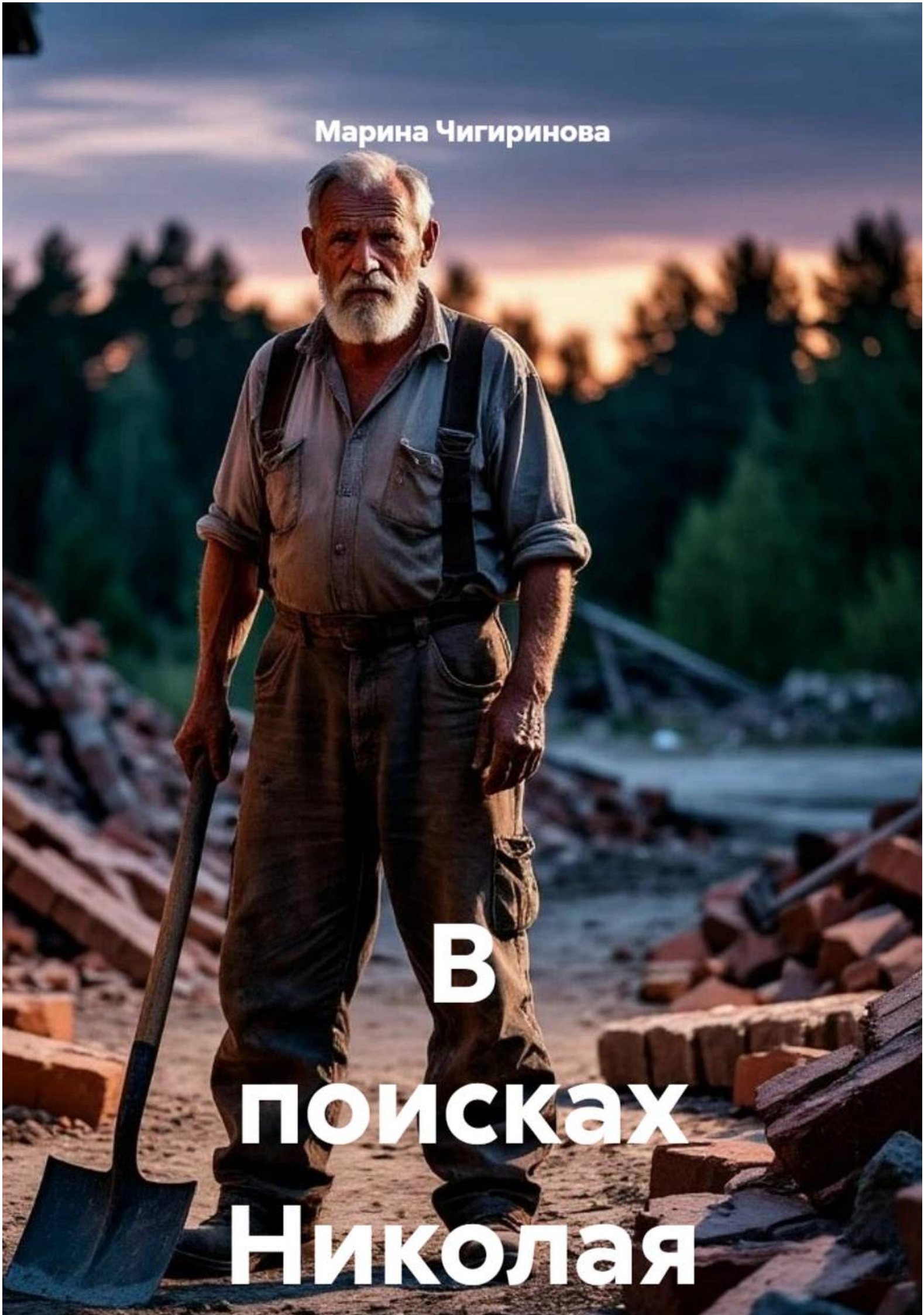

Марина Чигиринова
В поисках Николая

Марина Чигиринова

В поисках Николая

«Автор»
2026

Чигиринова М. В.

В поисках Николая / М. В. Чигиринова — «Автор», 2026

Умирая, бабушка просила Варю найти Николая, благодаря которому семья уцелела во время Великой Отечественной войны. Казалось, эти поиски не предвещали для нее ничего опасного. Но, приехав в Малаховку, она становится свидетелем странных событий, завязывающихся плотным кольцом вокруг деревни – кто-то упорно пытается залезть в дом ее детства и похищает ноутбук, милиция находит один труп чужака за другим, люди перестают доверять друг-другу. Поиски церковных ценностей темными личностями в окрестностях Великих Лук оказываются связанными с событиями далекого прошлого. Распутать этот узел берется молодой сотрудник милиции Антон Семенович Шурыгин, присланный из Петербурга.

© Чигиринова М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1.Черничное варенье 5
2. Тайна бабушки 9
3. Банда разорителей садов 13
4. Новая «прекрасная» жизнь 17
5. В архиве 20
6. Разочарование 26
7. Три шага до цели 31
8. Встреча в лесу 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Марина Чигиринова
В поисках Николая

1.Черничное варенье

Жужжание осы, тонущей в варенье, очень раздражало, и Варвара спасла ее, подцепив на ложку. Та, сразу же упала на льняную скатерть, поползла, оставляя на ней черничную полосу и потом, разбрасывая синие брызги, тяжело, как бомбардировщик, взлетела и, под одобрительное стрекотание кузнечиков, скрылась в жарком июльском воздухе.

«Может не стоило сюда ехать? А махнуть бы в Питер и пить там холодный лимонад в маленьких уличных кафе на Ваське?», думала Варя. «Как бы тут не умереть со скуки?».

Окончание вуза оставило в душе вместо ожидаемой радости пустоту и чувство щемящей неприкаянности. Нужно было искать работу и начинать новую, самостоятельную жизнь. Но, очень не хотелось сидеть в пыльных, раскаленных офисах и проходить собеседования, когда лето в разгаре. Накопленных денег хватало, чтобы устроить себе каникулы. Большие! Как в детстве.

Лежа в ванной, она вспомнила про их маленький загородный дом, дачу, куда ее в раннем детстве отвозили на каникулы к бабушке. Не спеша она наслаждалась покоем, рассматривая сморщенные, как чернослив, пальцы на ногах и руках. Глядя на волнистые блики от поверхности воды на своем впалом животе, она так явственно вспомнила купания на Ловати, темную, как крепкий чай воду, визг детей над рекой, лесную прохладу во время сбора черники и вкус молока после купания. Оно было таким холодным, что сводило зубы, только таким любила его Варюша, как ласково называла ее бабушка. Именно в этот момент и родилось ее решение поехать сюда, на дачу, и как следует отдохнуть.

Бабушка - Ба, умерла уже год назад. Как же трудно было смириться с этой потерей! Она долго болела и переехала жить к ним с мамой, а свою маленькую квартиру на проспекте Гагарина оставила Варе. Варя теперь так и жила там, ничего не меняя, даже не снимая старого ковра с белыми лебедями со стены. Она отчетливо помнила, как ненавидела этот ковер в юности и ссорилась с бабушкой из-за него, а сейчас, глядя на этих лебедей хотелось плакать. Лебеди еще помнили Ба и она их очень любила. Поэтому и выбросить его она пока не могла, считала предательством по отношению к бабушке. Может позже?

Ба, как и Варя, только в детстве жила в этом маленьком домике, в деревушке Малаховке, на юг от Великих Лук. Потом устроилась на текстильное предприятие и, выйдя замуж, получила крохотную квартирку в городе. Поэтому, после того как умерли ее родители, жившие в Малаховке, в этой избе, она приезжала с внучкой в пустой, нежилой дом и энергично наводила там порядок, протапливала печку и налаживала простой незатейливый быт. Варя до сих пор помнит это чувство воцарившегося уюта и тепла от печки в доме, еще сыром после зимы. А мама все время работала и бывала у них редко, наездами.

Деревушка сильно изменилась с ее детства. На смену старикам-старожилам, ее постепенно заселяли дачники, заезжающие сюда только летом. Поэтому то тут, то там был слышен стук топоров и жужжание бетономешалок. Кое-где вырастали новые дома, но некоторые из них так и остались брошенными с девяностых годов. В виде мрачных бетонных коробок они жались к лесу, как будто стесняясь своего несовершенства. Но все равно было в этом пейзаже или в воздухе что-то такое, из-за чего Варя не променяла бы его ни на какой другой. От этого возвращения в детство щемило сердце и в душе зарождалось ощущение похожее на падение в пропасть, но эта бездна была притягательной и манящей, как стремительный полет вниз на

американских горках. Может, это и было счастьем? Только в силу его кажущейся обыденности его было очень сложно осознать и принять?

Вид от Вариного дома почти не изменился, если не считать любимого ребятней дуба, вместо которого торчал обгоревший остов с двумя черными ветками-руками, устремленными в небо. То ли молния попала в него в грозу, то ли тракторист Ванька спьяну протаранил его, а потом поджог – версии сельчан насчет этого расходились. Между плотными кустами сирени, прикрывавшими фасад Вариного дома, виднелась пыльная дорога, дугой спускающаяся с холма и такие же ветхие домики вдоль нее. Штакетник у многих развалился и сгнил, а вместо него, сельчане экономно использовали жерди, прикрепленные к столбам. Живописный вид на Ловать открывался с тыльной стороны дома, оттуда, где был старый сад с пятью яблонями, некоторые из которых были такими старыми, что к ним прилетал дятел из леса искать жуков. Когда они цвели, сад был похож на Варину ванну, до краев наполненную розоватой пеной.

В первые три дня своего отпуска Варвара, по примеру бабушки, мыла, чистила, скребла, выбивала одеяла и сушила на солнце матрасы. И вот, добела отстиранная скатерть с вышитыми по краю васильками, наконец постелена на стол, который она вынесла под яблоню, как они делали раньше только к приезду мамы. В остальные дни скатерть берегли и стелили клеенку. И Варвара пила крепкий чай со сгущенным молоком, наслаждалась тенью яблони, ради которой пришлось пожертвовать сказочным видом на Ловать. И что дальше? Она заскучала, и даже не могла предположить, какая череда загадочных и мрачных событий ждет ее впереди.

Вчера вечером она зашла в гости к соседке, которая днем делала ей знаки из-за забора. Подойдя, и рассмотрев ее загорелое, цвета хлебной горбушки, лицо, Лиза сразу узнала ее.

–

Баба Клава! – так Варя называла в детстве Лизину бабушку. Лиза была ее закадычной подружкой с пяти лет. Она часто вспоминала, как родителям каждое лето, перед отъездом, приходилось с силой растаскивать девчонок из прощальных объятий под оглушительный рев обеих, словно они расстаются навсегда. Со временем это превратилось в своего рода игру-традицию.

–

Варенька! А я и смотрю, кто приехал в дом к покойнице Марии и хозяйничает?

Издаля

-то не признала! – быстро вспомнила баба Клава соседку-сорванца и крепко сжала ее в своих объятиях. Варвара почувствовала давно забытый запах молока, горькой полыни и загорелой кожи, исходящий от соседки. – Ходи в хату! Не думай, без пирожков и чая тебя не отпущу.

–

А где Лиза? Она приезжает сюда?

–

Затараторила! Погоди, за стол сядем и поговорим, – баба Клава тяжело сняла в сенях старенькие резиновые колоши с налипшими комьями земли и, переваливаясь как утица, двинулась в комнату, прихватив по дороге початую трехлитровую банку с вареньем. – Варенье возьмешь. Вкусное. А через недельку пора уже в лес сходить, чернику посмотреть. Думаю, можно уже брать.

–

А не рано? И я пока еще не очень обжилась в доме и не знаю, хочу ли в лес…

–

Хочу-не хочу, а чернику надо брать! А то перестоит, или городские соберут, – строго посмотрела на нее соседка, как будто подозревая в лени и праздности. - Ну,

слухай

. Лизка-то уже три года как замужем.

Неколи

ей теперь сюда ездить, старую бабку навещать. Год назад на похороны деда Василия приезжала. Вот тогда-то я мужа-то ее и первый раз увидела. Посмотреть не на что – стручок! И все! А свадьбы никакой у них и не было. Вот в наше время свадьбы были! Помню, мой свекр даже ногу сломал, так плясал на нашей с Васенькой свадьбе! Забор сломали, одонок сожгли… Теперь такого веселья уж нет!

Баба Клава задумалась, как будто глядя внутрь себя. Потом вздрогнула и подвинула к Лизе тарелку с жареными на сковородке пирожками со щавелем. Вкусные!

–

А телефон у Лизы есть?

–

Есть-есть. Я его тебе сейчас дам. Где-то на бумажке он у меня записан. Ты варенье-то ешь, оно полезное! Глаза будут… ух какие зоркие! От черники-то! Может молочка дать?

–

Я ем, спасибо! Нет, молочка не надо. А ребята наши, Сеня, Ромка? Когда последний раз приезжали?

–

Вот и худая такая, что плохо ешь! Дома-то есть что поесть? А то может у меня поживешь? Я ведь одна теперь. Васенька-то мой… - и соседка снова стала подробно рассказывать о похоронах мужа, о кладбище, а за окном уже смеркалось. А потом, как спохватилась. – А они и сейчас здесь, твои друзья! Сенька часто наезжает. Вот отличный парень! О стариках раньше все заботился, еду им привозил, навещал. Они ж были постарше меня, им

ня вздолить

продукты таскать, а теперь один дед, и то вроде лежачий, давно его никто не видел…

–

А Ромка?

–

Этот-то шалопай? Все на речке с удочкой. То читает, то рыбу ловит! Пользы от него в хозяйстве никакой! Как в детстве был непутевый, так и сейчас.

–

Не женились, не знаете?

–

Они ко мне не заход

ю

т. Что им старая бабка? Я все

издаля

за ними смотрю. Поэтому ничего и не знаю. Смотрю, все по одному ход

ю

т, смурные. Промеж себя не общаются не то, что девок привозить. Одиночки! Развалилась ваша чумазая четверка разорителей садов и огородов.

–

Был такой грех, – покраснела Варвара и засобиралась к себе.

–

Не тушуйся. Кто в детстве в чужой огород-то не лазил?

–

Да, нет, пора мне. Темно уже. Я одна, неуютно, да и страшновато в хате. Отвыкла я от дома. То пол скрипнет, то яблоня по отливу ударит. Как будто кто-то ходит. Просыпаюсь, боязно.

–

Я и говорю, ко мне переселяйся, – тяжело поднявшись со стула, баба Клава еле доковыляла до двери, проводить Варю.

Варвара смело шагнула в желтое пятно света от скупой лампочки на траве и торопливо преодолела несколько метров до своей калитки, вдрызг вымочив ноги в упавшей росе.

Открыла дверь, на которую, уходя, навесила большой амбарный замок. Сейчас, когда она жила одна, страшновато было оставлять дверь открытой. Мало ли кто может покуситься на ее ноут? Конечно, надо бы сделать другой замок, врезной, когда руки дойдут.

Зашла в непроницаемую густую темноту дома. Пахло сыростью и чем-то еще. Мышами? По спине пробежали мурашки. Ноги одеревенели от страха, казалось, пространство дома увеличилось втрое. Черная дыра! Она прислушалась и почувствовала чужое дыхание. А вдруг тут, у стены, рядом с выключателем кто-то стоит? И, вместо выключателя, она нащупает чужое лицо, глаза, рот… Жуть! Фантазия работала против нее рисуя картинки, одна страшнее другой.

Варя быстро шагнула вперед и зажгла свет. Никого нет, никто не дышит. Только слышно, как громко бьется сердце в ее груди. Уютно, все как было. И Ба приветливо улыбается с портрета. Молодая.

Варвара заснула крепко, согревая телом чистые крахмальные простыни. Сквозь ветки яблони протиснулась, похожая на румяную тыкву, луна и разбросала причудливые тени по окнам. Пейзаж за окном преобразился и стал похож на плоскую театральную декорацию, но Варвара не видела этого, устав за день. Не видела она и темную фигуру, гибко наклонившуюся к низкому окошку и, приложив к нему ладони, всматривающуюся в глубину комнаты. Фигура, пригибаясь, обошла дом, остановившись у двери, внимательно рассмотрела пустые душки замка и поспешно скрылась в кустах сирени.

2. Тайна бабушки

Открыв глаза в постели и глядя на солнечные зайчики на тканой полосатой дорожке, Варвара радовалась, что она все-таки приехала сюда, в дом, который терпко пах чем-то давно забытым и родным. Она спустила из-под одеяла босые ноги, следя, чтобы первой была правая. Пол приятно нагрелся, а дорожка узелками массировала подошву. Ничто не сравнится для человека с местом, где он провел детство!

Быстро одевшись, она решила снова завтракать на улице, подставляя колени раннему, еще ласковому, солнцу и лакомясь черничным вареньем. Баба Клава не забыла ей вчера отлить его в маленькую баночку. Как хорошо жить вот так – не строя планов и не задумываясь о завтрашнем дне! Все было бы неплохо, но – осы… Они просто одолели! Надо лезть наверх, искать гнездо.

–

Соня! Только встаешь? – Варя вдруг услышала за спиной голос мамы. Та, бросив сумки на землю, крепко обняла дочь, подкравшись со спины.

–

Доброе утро! Не ожидала тебя увидеть! Как ты добралась?

–

Да здесь от Лук совсем близко. Такси взяла. Быстро довез, балабол.

–

С работы отпросилась? На недельку? – обрадовалась Варя. С мамой было бы гораздо веселее и уютнее.

–

Счастливые часов не наблюдают! Сегодня суббота, дочь! У меня в распоряжении два дня! Могу уехать аж вечером в воскресенье! Смотрю, погодка установилась. Купаешься?

–

Нет, пока и до реки не дошла. Некогда. Убирала, чистила. Посуда знаешь какая, в руки не взять…

–

Не узнаю свою дочь! Повзрослела. Матери чаю нальешь?

–

Ой, прости! Сейчас. У меня и варенье есть и булка свежая, – Варвара наливала маме чай, испытывая необыкновенное чувство. Она не только впервые ощущала себя хозяйкой дома, спина выгнулась от гордого чувства взрослой самостоятельности и независимости. А воображение невпопад являло театральные образы старосветских помещиц или Чеховских героинь непременно в нитяных перчатках и с отороченными кружевом зонтами. Возможно, это ощущение навеяла широкополая шляпа, которую мама поспешно достала из пакета и водрузила на макушку. И Варя вдруг заметила морщинки вокруг ее рта и загрустила. Мама стареет.

–

Не грусти, дочь! Я ненадолго, – неправильно ее поняв, мама шумно отхлебывала горячий чай. – Я тебе тушенки привезла, сосисок и сладостей. Картошку у соседей купишь. Чего тебе ее из города вести, пупок рвать?

–

Мам! Я больше всего бы хотела, чтобы ты пожила тут со мной! Может возьмешь отпуск? Ну хоть маааленький? – рядом с мамой она чувствовала себя капризным ребенком.

–

Ты же знаешь, сейчас не дадут. Отпуск у меня зимой. Но я буду приезжать, не грусти…

Мама была все еще отчаянно красива. Овдовев, она потеряла всякий интерес к мужчинам, а жила работой и страстным ожиданием внуков. Ее крашеные светлые волосы завитками обрамляли загорелое овальное лицо с прямым носом и удивительными глазами цвета янтаря. Больше таких глаз Варя не видела ни у кого.

Варя считала, что совсем не похожа на маму. Носик у нее был короткий, слегка курносый, в веснушках, глаза очень большие серо-зеленые, а волосы русые. Здесь, на даче, свои густые длинные волосы она заплетала в косу, чтобы не мешали, да и жарко с распущенными. Наверное, она в папу? Хотя папу она помнила смутно, каким-то расплывшимся нечетким серым пятном. У него уже тогда были седые волосы и слегка обрюзгшее лицо. А его глаза, пожалуй, как у нее – огромные, грустные, но с большими коричневыми мешками.

День прошел волшебно! Они накупались и обгорели так, что вечером Варе было больно облокачиваться о спинку стула, так горела спина. И старое зеркало беззастенчиво демонстрировало, что и лицо не избежало этой участи – под глазами краснели два пятна, которые никак нельзя было принять за ее обычный румянец.

Варвара растирала спину найденным у бабули «Тройным» одеколоном и радовалась его влаге, которая немного гасила этот палящий жар.

–

Давай, я за сметаной сбегаю. Намажем тебя, – взволнованно суетилась мама. – У Клавдии Сергеевны ведь корова есть. Забыла? Сметана у нее такая вкусная!

–

Мазать сметаной нельзя! Надо спиртом! А сметанки попросим… Я люблю.

Вечером стол убрали с улицы, чтобы не повредило обильной росой, и долго засиделись за чаем, вспоминая бабушку. На середине стола, в старой фарфоровой вазе со знакомым с детства сколом по краю, стояли цветы, собранные на обратном пути с пляжа. Незабудки, ромашки и еще пурпурные столбики, которые в детстве они называли кукушкиными слезками, слегка поникли от жары, низко склонившись, как будто стремясь лучше рассмотреть узор на скатерти.

–

Знаешь, мне одна вещь покоя не дает. Бабушка-то перед смертью сказала странные слова, я все их вспоминаю. А что, если это не помутнения сознания и в этих словах есть реальный смысл?

–

Что же она сказала? И почему я не слышала?

–

Ты врачей пошла встречать со скорой. А она в этот момент и отошла, отмучилась. Так вот, не перебивай! Сказала она вроде так: «Спасите (или найдите) Николая! Он нас войну спас…»

–

А какого Николая не сказала?

–

Нет, больше ничего. Наверное, два раза – сначала: «спасите Николая», а потом «найдите Николая» или наоборот…

Чем дольше

вспоминаю, тем больше путаюсь. Но спать спокойно не могу. Жизнь такая суетливая была, мамины похороны, твой последний год в институте, мои проблемы на работе… Вот и спрятала я эти слова в дальний уголок памяти. А тут спать ложусь и, в голове так громко зазвучало: «Спасите Николая!». Может, пока тянула я, опоздали мы? Может, уже поздно спасать? И кого спасать – непонятно…

–

Надо выяснить, есть ли у нас в родне Николай. И был ли он тут во время войны. Может жил он в Великих Луках, а бабушку и ее родителей подкармливал?

–

Не фантазируй! Но ты права, выяснить нужно. Иначе покоя нам не будет. Вряд ли человек в такой момент, уже на пороге смерти, будет говорить что-то неважное…

–

Я хорошо помню, бабушка была в ясном уме до конца. У меня подруга есть -историк. Попрошу ее поподробнее узнать, что тут происходило в войну. И сама схожу в архив, поизучаю документы, может и найду этого Николая…

На том и порешили. Варя уступила маме кровать с высокой периной и несколькими наматрасниками как в сказке «Царевна на горошине», а сама легла на диване, за русской печкой. Сейчас, в жару, это было самое холодное место, печка работала как термос: в холод сохраняя тепло, а в жару проветривая избу, и извлекая невесть откуда приятную прохладу. Варвара, знала, как надо выдвинуть шибера, чтобы пустить в дом ночную свежесть.

Что-то тяжелое и давящее было в воздухе. К тому же Варе никак было не улечься, горели живот и спина, и вся она была раскалена, как печка. Полегчало, только когда яблоня стала истерично стучать в окно, как будто предупреждая о грядущем дожде, а потом раздался страшный грохот, сверкнула молния и упала стена воды. Чтобы не слышать грома, Варя натянула одеяло на голову. Стало свежо, прохладно и она быстро заснула.

Сначала она увидела полосы, хаотичные зеленые и серые, разной толщины. Хотелось навести резкость, чтобы понять, что происходит. Полосы мелькали все быстрее, а затем перед ней появилась ослепительно яркая зеленая топь, местами из нее торчали мертвые деревья, которые как будто молили о помощи, протягивая к ней черные ветви как кисти рук. Обернувшись, она увидела серые замшелые стволы сосен и голубоватые пушистые ветки подлеска. Наверное, они и сливались в эти полосы, создавая мрачный ритм безысходности.

И тут она увидела бабушку, лицо которой отражало полное отчаяние, в руке была зажата сдернутая с головы косынка, змеившаяся за ней по мху. Она спешила к болотной трясине и неотрывно глядя в одну точку. Проследив за ее взглядом, Варя увидела там русую голову бьющегося в отчаянии маленького мальчика. Он тонул! Рот его был открыт в немом крике, а сопротивлялся он все слабее, погружаясь в трясину. Бабушка решительно ступила в болото и погрузилась сразу по пояс. И вдруг – снова полосы, мелькание кадров, как в старом кино, дефекты пленки, пятна, жужжание.

А потом – платформа, Варя – в вагоне, смотрит из окна. А на платформе стоит тот же маленький мальчик с белыми волосами, стриженными под горшок. В руках у него корзинка, прикрытая клетчатым платком. Он спешит за вагоном, но отстает, корзинка катится к краю платформы, а мальчик падает на колени, не в силах дальше бежать.

–

Коляяя! – что было сил кричит Варя, и чувствует что-то мокрое на своем лице. Окончательно просыпается.

–

Тебе приснился кошмар, – пояснила мама, прикладывая к ее лицу мокрый платок. – Ты не заболела ли? Вся горячая. На улице идет мелкий дождь. А ночью была гроза. Ты слышала?

–

Да, слышала. Хорошо, что ты тут. Я боюсь грозы. Так гремело!

–

А я вот думаю, что мне тут сидеть в дождь? А дома дел уйма. Может, после обеда и поеду, – рассуждала мама, накрывая завтрак. Стол был полон яств – вареные яйца, нарезанная докторская колбаса, любимая Варина, сгущенка и несколько пирожков.

–

Откуда пирожки?

–

Пока ты спала, я сходила к бабе Клаве за сметаной. Еле удалось заплатить, денег брать не хотела. Вот пирожки мне дала с луком и яйцом. Вставай, соня! У бабы Клавы пол огорода затопило, вода стоит в картошке, под бугром, в низине. Она переживает. А что поделаешь… Дождь-то все идет.

–

Как пахнет! Спасибо, – потягивалась со сна, в мятой пижаме, Варвара чувствовала себя как раньше в этой избе – маленькой девочкой, о которой заботятся.

–

Жалко, что я тебе все рассказала, да еще и на ночь. Что тебе снилось? Как ты? Не температуришь?

–

Чувствую себя прекрасно, немного жжет, но температуры нет. Бодра и весела! Да, снился страшный сон. Плохо уже помню, но видела во сне Колю. Маленький, лет семи-восьми немного похож на отрока Варфоломея, помнишь, у Нестерова? Волосики светлые, ручки тонкие. Он тонул в моем сне… – Варвара передернула плечами, то ли прогоняя остатки ночного наваждения, то ли от озноба – все-таки вчера сильно обгорела.

3. Банда разорителей садов

Мама хлопотала возле старой газовой плитки, а Варвара улучила минутку, чтобы позвонить своей подружке Лизке. Они потеряли друг друга и очень давно не виделись. Поэтому Варвара услышала в трубке настороженный, незнакомый женский голос.

–

А кто это?

–

Лиза, это я, Варвара! Я в Малаховке. Представляешь? Сижу тут, а тебя нет. Баба Клава сказала, ты замуж вышла?

–

Варька! Знала бы я, что ты приехала, сразу примчалась бы к тебе. Завтра заскочу на работу, отпрошусь и приеду! Не отпустят – уволюсь на фиг! – Варвара улыбаясь слышала ставший узнаваемым голос такой близкой, безбашенной подруги, погружаясь в счастливую эйфорию детских воспоминаний.

–

А муж? Отпустит?

–

Муж, объелся груш! Мы решили пока пожить отдельно, – заливалась веселым смехом Лизка. А Варвара так и видела ее детскую задорную мордашку с носом картошкой и стрижкой под горшок. И совсем не могла себе ее представить взрослой замужней дамой. Может некоторым так и не суждено стать взрослыми?

–

Я так хочу тебя увидеть! И ребята тут. Правда, я их еще тоже не видела.

–

Найдем! А погодка-то какая! Покупаемся. Синоптики говорят, завтра снова жара. А еще колосовики пошли, в лес сходим! Народ в деревне есть? Или все перемерли?

–

Моя бабушка умерла…

–

Ой, прости! Жалко ее. Я не об этом. Не опустело там все? Может там одна моя баба Клава?

–

Нет, народу много. Напротив меня, через дом, какой-то дедок в огороде копается. Не вспомню, как его зовут… И дальше все незнакомые, похоже дачники. Целая семья с маленькими детьми. Приедешь, посмотришь, – пыталась перечислить односельчан Варя, но поняла, что старых уже не может вспомнить, а с новыми еще не познакомилась.

–

Хорошо, твой номер сохранила. На работе все разрулю и сразу тебя наберу.

–

Жду с нетерпением.

Как будто и не было этих лет, пока она готовилась к поступлению, потом поступала, училась… И они снова те маленькие девчонки, случайно встретившиеся на улице. Или это было не случайно, а предопределено звездами? Со дня встречи они почти не расставались, все свое детство. Варя хорошо помнила день их знакомства.

Она нашла большую палку и, оборвав все лишние ветки, собиралась дойти до пруда, чтобы выловить там кого-то из многочисленных обитателей. Дома, в банке, уже жила огромная

пиявка и жук плавунец с длинными, как весла, задними лапами. Ба боялась их и все грозилась вылить на грядку. Вчера порвался сачок и нужно было его чем-то заменить.

Варя стояла в ожидании бабушки, одной идти на пруд не разрешали, но и терять время тоже не хотелось, и она медленно продвигалась вдоль заборов, в сторону пруда, гремя длинной палкой по штакетнику. Как вдруг, она увидела за забором маленькую девочку в красном платье с белым горохом. Девочка тоже заметила Варвару и подошла вплотную к забору. Варя остановилась и стала носком ноги чертить круги в пыли на дороге, исподволь поглядывая на незнакомку. Лизка оказалась смелее:

–

Как тебя зовут?

–

Варюша, – она назвала имя так, как привыкла его слышать от бабушки.

–

А я Лизка! Сейчас-сейчас, – она, пыхтя, отвернула палку штакетника, открывая узкую дыру в заборе. – Пролезай ко мне. У меня большой медведь есть – Потапыч. Только у него глаз потерялся.

Варя, не раздумывая, пролезла в образовавшуюся щель в чужой тенистый палисадник, сразу забыв о пруде. Бабушка еле разыскала ее потом, хорошо, что подсказала баба Клава, заметив незнакомую девочку в своем палисаднике.

С той поры они и не расставались, много лет. Как же случилось, что их развела жизнь так надолго?

Но во вторник Лизка не приехала, и в среду тоже. И прогноз ее не оправдался – четвертый день подряд накрапывал дождь. Но хоть сегодня, появился легкий ветерок и стало застенчиво проглядывать солнце. Может скоро и дождю конец?

Мимо дома Вари ручейком потянулся народ с корзинками в ближайший лес. Варя не верила, что могут быть грибы, поэтому решила повременить с этим, и разбирала старые альбомы с фотографиями, завалявшиеся газеты, журналы и целые наволочки обрезков кружева и ситца. Временами, она сидела у окна и смотрела на мокрых грибников, пытаясь рассмотреть, что же у них в корзинках.

И вдруг одного из их она узнала. Рома! Она выскочила на крыльцо и крикнула ему в спину:

–

Рома…? – получилось как-то полувопросительно и неуверенно. Но он обернулся и расплылся в улыбке.

–

Варька! Ты что ли? – и порывисто поставил ей мокрую корзинку на крыльцо.

–

Заходи. Ты же весь мокрый. Пойдем чай пить, – Варе очень хотелось продемонстрировать другу, что она совсем взрослая, хозяйка. И живет одна, самостоятельно. Ей, правда, и самой в это не очень верилось.

Удивительно, что она так быстро узнала своего друга детства. Ведь лет семь назад, он был коротышкой в вытянутых спортивных штанах и вечной удочкой в руках. Даже во время их веселых приключений, глаза его вдруг становились пустыми, он терял интерес к играм, и норовил скорее улизнуть на реку. Там он был энергичным и предприимчивым. То ловил на удочку, то ставил какие-то ловушки на щуку, то в компании с отцом в узком притоке реки ловил раков.

А сейчас, он стал высоким стройным красавцем с копной черных и жестких как лошадиная грива волос. Варя заметила и серьгу в левом ухе и широкую улыбку белых ухоженных зубов. Но ей нравились плохие парни, а Ромка явно был не из таких. «Хозяйственный» – так

охарактеризовала его бабушка еще в детстве. Поэтому она никогда его не воспринимала как объект романтических воздыханий. Может, напрасно?

Пока она ставила чайник, он разложил на столе свою лесную добычу. Это были три подосиновика и белый гриб с мокрой блестящей шляпкой. Он бережно отряхнул с них листья и иголки прямо на пол, и залюбовался натюрмортом на столе.

–

Хочешь, забирай? Суп сваришь! – широким жестом обвел Рома свои находки. После такой его щедрости Варе было неудобно его упрекать в неряшливости, и она промолчала, ногой задвигая листья под стол. – Как ты тут? Где продукты берешь? Может рыбы принести? Вчера наловил.

–

Мама привезла. Спасибо, у меня все есть. Да и некогда мне с этим всем возиться. Завтра в город собираюсь, – с ходу придумала она, представив себе руки в рыбной чешуе и кишках.

–

Ой, жалко! Надолго? Ты вернешься? А то на днях Сенька приедет, можно было бы пообщаться, вспомнить, как землянку строили. Жаль Лизки нет, был бы полный комплект, вся банда в сборе, – размечтался Рома, отхлебывая крепкий чай. А Варя думала, что друзья детства становятся почти что родственниками, с которыми можно подолгу молча сидеть, хорошо понимая друг друга.

–

А Лизка тоже собиралась. Так что комплект точно получится, – и чтобы уважить друга она добавила. – Приеду,

в

грибы сходим.

–

Они могут уже отойти, это колосовики, после дождя выскочили, полосой. Они ненадолго. Настоящие грибы нужно ждать до осени. Ты же не будешь тут до осени?

–

Не знаю. Но, может, теперь буду заезжать. От работы зависит…

–

Кем ты работаешь?

–

Еще только ищу работу…

–

А… Ну-ну, – было видно, что ее поиски работы его мало занимают. Он гордо складывал грибы назад в корзинку, собираясь уходить. Было заметно, что он доволен, что Варе они не понадобились. Нет, он не был жадным, но похвастаться уловом дома ему явно не терпелось.

–

А ты как умудряешься так подолгу здесь сидеть? Тут работаешь? – но как ни напрягала воображение, все равно Варвара не могла представить его ни на ближайшей ферме, ни за рулем трактора, разве только лесником…

–

Я программист, на удаленке.

Это показалось немного неожиданным, хотя, вполне вписывалось в образ парня. Глупым он точно не был.

После того, как договорились «посидеть» вчетвером и, обменявшись телефонами, Ромка торопливо скрылся за поворотом улицы, шагая какой-то особой, мужицкой походкой, тяжело припадая на каждую ногу. На душе осталось приятное, теплое чувство.

–

Ну, что ты там? Мы тебя ждем! – Варвара набрала номер Лизы.

–

О! Варя? Прости, не отпустили меня, а духу сорваться в самоволку не хватило. Доработаю до выходных, и Петрович обещал недельку отгулов дать. В общем, в пятницу вечером жди! – звонко тараторила Лизка.

–

А то мы все тут, тебя только не хватает.

–

Правда? И Сенька, и Ромка? Ты их уже видела? Как они? – обрушила она шквал вопросов на Варю.

–

Ромку видела, а Сенька приедет, вроде, как раз когда ты.

–

Отлично! Пойдем бомбить огороды! – заливисто смелась Лизка, но на заднем плане раздался недовольный мужской голос, и она заторопилась и зашипела в трубку. – Прости, спешу. В четверг позвоню. Это уже завтра.

–

Океюшки.

Получается, что образовались два свободных дня и можно было съездить в город, заняться поисками Коли.

–

Света, привет! Ты историк, подскажи, как найти пропавшего человека, родственника? – не откладывая, она решила позвонить подруге, с которой училась в школе. Не давал покоя этот сон и слова бабушки. Даже сейчас, среди бегающих по дороге детей, ей нет-нет, да и мерещилась светлая головка мальчика, стриженого под горшок.

–

Это совсем не сложно. Приходи. Ты сегодня можешь?

–

Я на даче. А можно завтра?

–

Конечно, даже лучше. Завтра у меня вообще полдня свободно. В архив пойдем. А что у тебя родственник потерялся? Сколько лет? Когда исчез?

–

Свет, давай, при встрече расскажу. Там все непросто. Поэтому, боюсь сама не справлюсь.

–

Интриганка! – шутливо басила Света, которой совершенно не подходило ее имя. Она была знойной брюнеткой, с соблазнительной избыточностью форм, с детства она выглядела намного старше своих подруг. – Завтра жду.

4. Новая «прекрасная» жизнь

–

О, черт! Как же мне плохо…

Почему-то перед глазами расплывались половицы с вытершейся коричневой краской. Совершенно некстати в голову пришла мысль: «Пора красить пол». Следом огорошило осознание того, что это совершенно невозможно. Нужно сначала встать. А это никак не получалось. Категорически не вставалось. «Может я уже умер?» – было второй мыслью. Но сильная жажда противоречила его представлению о загробной жизни, где должно царить полное благолепие и отрешенность от мирских желаний. А сейчас он остро продолжал переживать явно земные ощущения, жажду, от которой, казалось, он никогда не сможет говорить, язык накрепко присох к небу, и нестерпимое жжение в ногах. Что это жжет? И, лежа как большая фасолина, он еще сильнее подтянул голову к коленям и развернул шею. Хотя обзор был неполный, а картинка мутной, он сразу сообразил, что происходит.

Из открытого окна солнце падало прямо на пол его комнаты, ярко высвечивая пыль, фантики, забравшиеся под диван, и беспорядочно валяющиеся вокруг него пустые бутылки. И это полуденное солнце нещадно жгло его незагорелые лодыжки и икры в узловатых синих венах.

–

Опа! – скомандовал он, и встал на четвереньки. Дополз до строя пустых бутылок под столом и, держась за ножку стола, медленно, кряхтя, поднялся. Потом пошарил на полу и, поднимая бутылки по очереди, пытался воскресить себя хоть каплей живительной влаги. Почти ничего. Быстрый рывок до ванной не удался, потому что по дороге попался дверной косяк и удар об него лишил ориентации на минуту и отозвался болью во всем теле.

И, о счастье! Льющаяся вода из крана, холодным, живительным потоком, наполняла ладони и закручивалась воронкой, он любовался этим водоворотом и бросал воду в лицо горстями, лакал из ладоней, как собака, и снова мочил лицо. Вода струйками стекала на грудь, принося невероятное облегчение, и каплями застревала в седых волосах на груди. Он чего-то ждал, но не понимал чего. Что-то его несомненно беспокоило.

Единственное, что он неожиданно для себя осознал, это то, что он пьет и пить не перестанет. В смысле алкоголь. Потому, что не хочет переставать! Но он не алкоголик! Странно, что это пришло к нему не так давно. До этого он жил суетной жизнью пенсионера, ходил в магазин, варил обед, ездил на дачу, а иногда и подрабатывал на стоянке неподалеку охранником. А теперь, он как будто взлетел над всем этим – легкий и безмятежный. Несмотря на то, что жажда больше не мучила его, и ноги, смоченные холодной водой, не так сильно горели, он ощущал беспокойство, что должен то ли что-то сделать, то ли чего-то дождаться. Не мог только вспомнить чего именно.

Теперь у него другая жизнь, они заботятся о нем. Ничего не нужно, ни варить обед, ни убираться, ни ездить на дачу, о нем есть кому позаботиться! Хоть он и привык быть одиноким, давно так жил, без жены, но новая, непривычная для него, жизнь радовала. Или нет? Он не понимал.

Конечно, он не против был бы съездить на дачу, подремать у небольшого пруда, в холодке. Там, за дровяником у него хранилась старая резная скамеечка, которую он выносил на закате, когда дневные хлопоты уже были завершены. А на ночь убирал, чтобы не покоробилась от сырости. Сейчас там, наверное, все заросло лопухами и осокой. Косить пора. Но бессилие навалилось на него и, казалось, даже дышать стало тяжело. Старость? Неужели так резко приходит дряхлость, безволие?

–

Как же хочется выпить! – наконец он сформулировал вслух то, что его больше всего мучило этим утром, впрочем, как и прошлым, и неделю назад…

Никак из его внутреннего взора не хотела уходить тихая гладь пруда с султанами рогоза и тихим шорохом камыша, раздвигаемого на закате кучкой утят с их заботливой мамашей.

Потом ее сменила другая картинка. На его пороге – молоденькая медсестра из поликлиники, которая пришла делать ему уколы от радикулита, в белом халатике и колпачке. Такая ладненькая и заботливая! А боль в спине была нестерпимая, встать никак не мог! Потом пришла другая сестричка. Посменно что ли ходили? Уколы помогали. Он подарил ей банку варенья, которое сварил сам два года назад.

Однажды, она пришла вместе с мамашей, уже без привычного белого халатика, поблагодарить за варенье. Принесли гостинцы и бутылку водки. Так хорошо он давно себя не чувствовал! Две женщины расспрашивали его о жизни на даче, о здоровье, о семье.

Он чуть было не подумал, грешным делом, что мамаша строит ему глазки. Но очень она ему не понравилась – слишком полная, чернявая, с усиками. И зуб золотой сверкает. Она внимательно заглядывала ему в глаза, близко придвигалась и щедро наполняла рюмку. А что? Он завидный жених! И не так уж стар. Даже жена-покойница в последнее время им мало интересовалась. А тут - такое внимание.

–

Спасибо - спасибо! Я не пью. Достаточно! –

он прикрыл рюмку ладонью.

– Да и нельзя мне, после уколов-то.

–

Можно. Это я вам как врач говорю. Немножко можно и даже нужно.

Он и подумал, что и правда, почему бы и нет, если немного? И не заметил, как появилась и вторая бутылка. Разговор снова зашел об отдыхе, о даче.

–

А детки-то твои туда ездят? – активно интересовалась старшая.

–

Один я, как перст. Некому туда со мной ездить. Но я привык, — и он, уже без тоста опрокинул стопку. Не заметил, как женщины довольно переглянулись. —Там у меня чудесно, пруд с карасями, лес.

–

А дом-то какой?

–

Неплохой! Пятистенок от родителей достался, а я уже терраску прирубил, пока работал и деньги были на материалы. Сейчас-то не очень разгуляешься на пенсию! Но на здоровье я отложил. Я ведь хоть уже и не молод, но иногда подрабатываю. Меня по старой памяти пускают подменять на стоянке сторожа. Деньги налом, – расхвастался старик. – Наливай!

Ушли гости уже за полночь. Он немного прибрал, а посуду помыть оставил на утро. Хотя раньше никогда себе такого не позволял, отскребай потом тарелки от присохшей еды. Голова болела, прям, как сейчас! Поэтому обрадовался, найдя бутылку водки в углу. Забыли гостьи? Открыл, глотнул прямо из горлышка. Полегчало.

–

А больше я — ни-ни! — оправдывался он, глядя на портрет жены на стене. Такой он ее и помнил: с тугими завитками перманента, плотно сжатыми губами и добрыми глазами. Пытался вспомнить, какой она была, когда он ее встретил. Но картинка была неясная. Помнил только, что волосы богатые, пышные, платье светлое в талию и вся такая уютная, мягкая. Так и привык к ней. Поженились. Хотя всю жизнь он любил другую, Клаву. Не успел только сказать ей об этом. Когда приехал в Малаховку, а она была уж замужем. Муж Васька, лихой, крупный

парень с черными усами. Куда с ним тягаться? Вот и женился. Деток хотел, но бог не дал… Он старался не думать о детях – очень расстраивался, понимая, что без детей и жить-то смысла нет.

Старик автоматически натер стол на кухне до блеска, потом подмел пол, и собрал мусор. Его аккуратность иногда раздражала жену, когда он пилил ее за разбросанные вещи и накопленную грязную посуду в раковине. Зато как она готовила! Он так не мог.

К его удивлению, вечером, когда он сел к телевизору смотреть футбол, раздался звонок в дверь. Гости к нему ходили редко, а в последнее время, надо честно признаться, и вовсе не ходили. На пороге стояла вчерашняя медсестричка, одна без мамы. Глаза красные, плакала.

–

С мамой поссорилась, – сквозь слезы призналась она. – Я тут у вас вчера помаду свою забыла. Дорогая. Снова не куплю себе такую.

И, всхлипывая, зашла в комнату. И, правда, показала деду найденную помаду. Как же он не заметил ее, когда убирался? Глаза совсем плохие стали! А девку жалко – всхлипывает, щуплые плечики вздрагивают.

–

Я тебя так не отпущу, без чая! Пошли на кухню, – и добрый старик торопливо поставил чайник, а медицинская сестричка достала платок, громко высморкалась, и вытерла слезы.

–

Давайте по капельке? – девушка достала фляжку и капнула себе в чай, а деду ливанула полкружки.

–

Ой, мне бы не надо! Собирался по делам…

–

Это бальзам на травах для здоровья! Я без него и не успокоюсь, – снова захлюпала носом девица, держа чашку в ладонях.

–

А правда, травами пахнет, вкусно. Что у тебя стряслось -то? Расскажешь? – отчасти жалея ее, отчасти от одиночества и скуки стал расспрашивать ее дед, думая о том, что и сам мог бы иметь уже такую взрослую дочь.

–

Я поссорилась с мамой, из-за моего молодого человека. Мне стыдно рассказывать и обидно, – и она снова захлюпала носом.

–

Ну, ну. Успокойся, милая.

–

Спасибо вам. Вы такой добрый! Как ваша спина?

–

Почти прошла.

–

У меня есть заграничное патентованное лекарство, хотите? Все как рукой снимет, и никогда больше не заболит.

–

Дорого, наверное?

–

Нет, нет. Мы же друзья, а друзья должны заботиться друг о друге, – и она сразу достала из маленькой сумочки ампулу и шприц.

Завтра он никуда не пошел. Ему было очень плохо. Даже не помнил, как ушла медсестра. А приходила ли она, или ему только показалось?

5. В архиве

Варя издали узнала Свету на набережной возле моста через Ловать. В первый момент с грустью подметила, что та стала еще солиднее. Со спины прямо — дама. Но ее радостная улыбка срезу же вернула Варю в школьное детство. Света тоже обрадовалась, когда Варя, смущаясь, сунула ей в руки букет цветов с дачи. Там были и золотые шары, выползшие с чужих палисадников в проулок, и синие колокольчики окопника, ромашки, а на поле пшеницы, по дороге к автобусу, ей даже удалось найти несколько васильков.

–

Спасибо! Какая красота! Ну, что? Пошли? Я уже кое-что придумала. Сейчас разберемся, – растягивая гласные рассказывала Света. Вид у нее был довольный. – Ну, рассказывай, что у вас случилось? Родственника потеряли?

Девушки шли по раскаленному асфальту вдоль реки, и нырнули в тень под деревья, только здесь чувствовалась свежесть, и так хотелось купаться! Но Варвара твердо решила разобраться в том, что хотела сказать бабушка.

–

Понимаешь, моя бабушка, умирая сказала: «Найдите Николая! Он спас нас во время войны». Вот я и решила во что бы то ни стало его найти. Не успокоюсь, пока не пойму, что она имела в виду!

–

Это не могло быть из-за ее спутанного сознания? Может, вы что-то не так поняли? Ведь так часто бывает, что человек на пороге смерти бредит, смешивая времена, события и даже путая людей…

–

Нет, я была с ней почти до самого конца. Она ясно и четко мыслила, все понимала. Может, если бы я не вышла встретить скорую, то успела бы спросить ее, где искать этого Колю, – сокрушалась Варя.

–

Как я понимаю, мы должны найти человека по имени Николай, вашего родственника? Он должен быть довольно пожилым человеком, раз он уже был во время войны?

–

Да и, возможно, он жил или бывал в деревне Малаховке, а, может, даже и родился там.

–

Я, кажется, знаю где искать, пойдем. Сразу подумала, что нужно идти в архив и договорилась там.

Прошел час. Лицо Вари было мокрым от пота, и она едва успевала протирать его тонким платочком. Перед ними на столе возвышались три стопки пыльных и старых папок с растрепанными тесемками. Не найдя ответа в каталоге, в котором была неполная информация, о чем предупредила архивариус, им предложили обратиться к «первоисточнику». Чего только не было в этих папках: копии выписок из церковных метрических, реестровых книг, копии свидетельств о браке, копии военных билетов, наградные документы (в отдельной папке) и многое другое. Главное было определиться с периодом, что позволило бы сэкономить время и силы, сузив объем выборки. По этому поводу у Светы с Варей возник спор. Света считала, что нужно брать дату рождения не позже 1923 -1925 года, чтобы Николай был уже призывного возраста в начале войны, и уже мог кого-то спасти. Как мог ребенок спасти?

–

Очень даже и мог! Помнишь, пионеров-героев? А сыновей полка? А детей, которые помогали партизанам и даже были связными между селом и военными частями, партизанами?

–

Ну, да. Помню, нам рассказывали. Когда в августе 1941 года Великие Луки были оккупированы, в окрестных лесах действовало мощное партизанское движение. Нам еще в школе об этом рассказывали.

–

И еще! Я думаю, мобилизованных и воюющих на фронте нам не стоит учитывать, а как раз наоборот, – только детей! Конечно, не грудных, но детей.

–

Да, какая-то логика в твоих словах есть… – Свете откуда-то попался в руки допотопный чернильный карандаш, и она, задумавшись, мусолила его во рту, отчего губы стали синими.

–

Так какой промежуток берем?

–

Может возьмем 1924–1935 годы? Да, родившимся в 1935 было всего шесть лет в начале войны, но ближе к концу – уже десять. Но, думаю, более маленьких, не стоит.

–

Да, ты права! Много лет… Ни один день просидим. Завтра приеду снова. Меня сюда одну пустят? Неловко тебя эксплуатировать.

–

Я договорюсь. Конечно, пустят. Хотя мне самой уже стало интересно, – так говорила Светлана в самом начале разбора папок, но спустя два часа в жаре, они совершенно выдохлись и, возможно, завтра идти она уже передумает.

–

Может сходим перекусим? – сдалась Варя.

–

Не желательно прерываться. Нам все это придется сдать, запомнить, где остановились. Кучу времени потеряем! Давай, еще немного. На, пей водичку, – Света протянула свою полупустую бутылку с минералкой.

Архивариус, похожая на большую черепаху-каннибала из-за очков в черепаховой же оправе, в такую жару куталась в коричневую ажурную шаль и периодически клевала носом. Видно было, что девушки, единственные посетители в этом большом пустом зале, раздражают ее, не давая спокойно дремать. Она таращила на них глаза, сильно увеличенные толстыми стеклами очков, надеясь вызвать их смущение и заставить уйти. Но эти трюки не срабатывали и мешали Свете и Варе уже четвертый час сидевшим под ее мутным взглядом, наконец добраться до последней папки.

–

Ой! Смотри-смотри. Кажется то, что надо! Место рождения – д. Малаховка, дата – 25 марта 1934 года, Славунцов Николай Николаевич. А… Фамилия не та! – огорчилась Света.

–

Та! У бабушки девичья фамилия была Славунцова! Ура! Мы его нашли! – вскрикнула Варя. И прикрыла рот ладонью.

А «черепаха» не могла не воспользоваться этим поводом, чтобы с наслаждением не сделать им замечание неприятным скрипучим голосом.

–

Я попрошу вас – тише! Вы не одни тут!

–

Одни! А кто же еще? – ответила Варя, озирая пустые столы вокруг.

–

Я! –

она втянула голову в плечи и

, полуприкрыв глаза, тихо добавила. – И вообще мы скоро закрываемся. Надо и честь знать…

–

А мы уже все! Спасибо вам, – Света с трудом разминала затекшие ноги и, норовя захватить как можно больше папок, понесла их на стойку архивариуса, чтобы поскорее закончить, с этим. Устали до полного изнеможения. А Варя, уронив на пол одну из папок, судорожно собирала разлетевшиеся веером листки, испуганно поглядывая на строгую «черепаху». Сколько себя помнила, с ней всегда были какие-то проблемы. То она единственная не замечает порогов и падает у всех на глазах, оступается, вечно все роняет, проливает кофе на себя – стыдоба! Даже сейчас, все время ударяется о притолоку в избе, хотя уже прекрасно знает, что она низкая, и не рассчитана на таких высоких людей, как она. От этого шишка на голове никак не заживает.

–

А как теперь узнать его адрес? Наверное, это сложно, а, может, и невозможно… – уже на улице сокрушалась Варя. – Надо скорее перекусить и отдохнуть. Пошли в кафе, я угощаю. Спасибо тебе, Света! Если б не ты…

–

Одно мы можем смело сказать, что других Николаев – родственников, дальних или ближних, у вас нет! Может, конечно, он и не родственник вовсе? – ошарашила она Варвару, откусывая сразу половину пирожка с капустой.

–

Да уж… Я как-то не подумала об этом… Хотя не может такого быть! В одной деревне, с одной фамилией, точно родственник! – Варвара медленно приподняла бумажный стаканчик с обжигающе горячим кофе, боясь разлить его. Уличное кафе на главной магистрали Великих Лук – проспекте Ленина, продувалось легким ветерком, охлажденным в тени дворов. Меню было незатейливым, но не только кофе, но и пирожки были горячими и свежими, а аппетит у девушек – на зависть всем. – А как будем адрес искать?

–

С адресом проще простого. У моего приятеля скачена пиратская база адресов. Он нам обязательно поможет.

–

Твой приятель бандит?

–

Нет, он программист. У меня еще одна мысль пришла. Тебе надо поспрашивать в деревне стариков, тех, кто был во время войны. Может был еще какой-то Коля? И тогда поймем, родственника, или не родственника имела в виду твоя бабушка. А этот Коля еще и Коля в квадрате! Поэтому я почти уверена, что мы роем в правильном направлении.

–

В смысле? В квадрате?

–

Николай Николаевич. Забыла? – широко улыбнулась довольная Света.

–

Точно… Можно сейчас позвонить? Насчет адреса?

Пока Варвара медленно тянула остывший кофе из стаканчика, Светлана упорно набирала номер, не получая ответа, и озиралась по сторонам. Мимо них, по проспекту, шли люди в разных направлениях, большинство торопилось после работы домой, некоторые скучающе озирались по сторонам, застревая у немногочисленных киосков со всякой всячиной. Варя заметила, что взгляд Светы непроизвольно останавливался на молодых людях, внимательно рассматривая их. Занятая набором номера, она не могла контролировать направление взгляда, и под-

корка брала верх. «Да, мать, похоже ты, как и я, все ходишь одиночкой, без пары. Да и где тебе найти избранника, если все время сидеть в таких скучных архивах?» – думала Варя, наблюдая за Светой, но совсем скоро поняла, как глубоко заблуждалась.

–

Привет Сашка! Куда пропал? Не дозвониться… Помощь твоя нужна, пиши, - Света быстро продиктовала данные найденного Николая и, продолжала, уже обращаясь к Варе. – Пойдем погуляем у реки, пока ждем? Обещал побыстрее.

Несмотря на наступающий вечер, жара не ослабевала. Девушки спустились к Ловати справа от моста. Сев прямо на траву, сняли босоножки и опустили разгоряченные ноги в воду. Стайки мальков испуганно шарахнулись от них с мелководья, поблескивая серебристыми боками.

Справа, через реку, была видна густая зелень парка и верхушка колеса обозрения, отчего-то напомнившая Варе изогнутый скелет динозавра. Река приносила оттуда обрывки мелодии, почему-то очень грустной. Варе часто было грустно слушать музыку, а на детских концертах она вообще не могла сдержать слез и чувствовала себя неловко, хлюпая носом и вытирая лицо платком.

–

А откуда ты знаешь этого Сашку? Не подведет он нас? – любопытствовала Варя, болтая ногами в воде и любуясь радугой в брызгах.

–

Он близкий друг моего жениха, Макса.

–

Ну ничего себе! А молчишь! Кто он, твой жених? Когда собираетесь в загс? – Варя засыпала Свету вопросами.

–

Знаешь, мы пока не хотели никому говорить. Но, конечно, пригласили бы тебя, не сомневайся. Мы не торопимся, но все же хотим скоро расписаться, пока еще не очень холодно и не началась слякоть. Максим работает в милиции – дядя Степа, – и Света лукаво прищурила черные глаза. Варе вдруг стало очень грустно, что она одна никак не может встретить свою судьбу. Света почувствовала ее настроение:

–

И тебя где-то ждет твой суженый. Или встретила уже? А зна… – и тут ее перебил резкий звонок. – Саша! Нет, я запомню. Диктуй. Ну, спасибо тебе огромное, выручил! Потом расскажу, зачем. Пока!

–

Ну, что? Нашел? – нетерпеливо вскочила Варя.

–

Да. И не очень-то далеко отсюда. Он живет на улице Розы Люксембург, давным-давно, а может и всегда там жил, – и, подняв к небу глаза, Света как робот повторила номер дома и квартиры. Варя, не полагаясь на свою дырявую память, тут же записала все в блокнот, который всегда носила собой.

–

Ой, страшно-то как! Может сегодня не пойдем? Может, завтра? Поздно уже, – всполошилась Варя.

–

Да, я тоже так думаю. Давай, завтра утром пойдем? Зато у тебя будет время обдумать, что ты ему скажешь. А не так, с бухты-барахты! Хотя, утром он может быть на работе… – задумалась Света.

–

Он, наверное, уже старый, пенсионер, не работает. Сил нет никаких… Надо отдохнуть. А ты завтра тоже со мной пойдешь? А то мне одной как-то страшно… – Варя состроила жалобные собачьи глаза.

–

Конечно, пойду, как же я тебя брошу. Хочешь, переночуй у меня? Папа с мамой рады будут.

–

Спасибо тебе, Света! Я могла бы и у себя, на Гагарина, но хочется перед сном посидеть под яблоней. Знаешь, как в деревне хорошо? Прохладно…

Приедешь ко мне? И недалеко, и автобус часто ходит. Через полчасика я уже дома буду. Я там, на даче

, на все лето обосновалась. Не хочется здесь застревать. Чувствую уже, что у меня там дом.

Через час Варя походила к дому. Только сейчас она почувствовала навалившуюся усталость. В автобусе до кольца ехала только она и одинокий затрапезный мужичек с узлами и корзиной. Наверное, за грибами собрался. В некоторых окошках уже горел свет, хотя на улице казалось еще светло. Было тихо, только какой-то джип рывком сорвался от остановки и, обогнав автобус, возвращающийся порожняком в город, скрылся вдали. Раньше, детьми, они знали все машины в деревне, следили за деревенскими новостями, а теперь она даже и не пыталась строить догадки, кто так торопится из деревни на ночь глядя.

Варя радовалась, что решила вернуться сюда, в деревне и воздух был свежим и дышалось как-то иначе, полной грудью, а кровать «принцессы на горошине» манила к себе, обещая сладкие сны.

Варя нащупала в сумке большой ключ от навесного замка на красной ленточке и, когда уже собиралась вставить его в замок, вдруг заметила какой-то странный блеск. Это на ушках замка ярко блестели полосы содранной краски, и одно ушко еле висело на вылезших из доски шурупах. Но замок держался. Выстоял. Варе вдруг стало очень страшно. Кто пытался сорвать замок? Спина похолодела от ужаса, и казалось, что яблони, сбившись в кучу, окружают ее плотным кольцом, протягивая к ней свои узловатые руки. Все вокруг стало неузнаваемым, чужим и враждебным. Она и не заметила, как внезапно стало темно. Не заходя домой, на негнущихся ватных ногах Варя опрометью побежала к соседке.

Окошки в доме соседки горели теплым ситцевым светом, через куцые занавесочки. «Слава богу, не спит!» – с облегчением вздохнула Варвара.

–

Баба Клава! Баба Клава! – она громко барабанила в дверь.

–

Ты, что ль? Я думала Кешка пришел… Ему часто не хватает, и он приходит ко мне. Я ему самогонку продаю, – с порога разоткровенничалась она.

–

Ко мне в дом кто-то пытался залезть! – сразу огорошила ее Варвара, остановившись в дверях.

–

Ходи

внутрь! Комаров напустишь! Спасу от них нет! Залезли, говоришь? – не теряя времени, крепко ухватившись за косяк она засовывала ноги в галоши. – Пойдем, посмотрим, все ли цело. Бывало, лазили у нас по осени. То бомжи из Лук, еду ищут… Безвредные. Зимой не лезут – следы на снегу видно. А чтоб летом... Когда полно народу? Давно такого не было.

Пока она говорила, они подошли к дому, и Варя боязливо сунула ключ в замок, а соседка подсвечивала ей захваченным из дома фонариком.

–

Не

вздолили

замок сломать! Слава богу… –

тихо бормотала баба Клава. – Завтра Никифора или Иннокентия попросим, он починит. Кешка мне еще за самогон

должон

…

Пройдя сени, Варя зажгла верхний свет в хате и закрыла лицо руками – там как будто прошел смерч. По полу были разбросаны обрезки кружев и старого ситца, ее кресло было опрокинуто и лежало у печки, постель перевернута, газеты разбросаны. Варе захотелось плакать.

–

Ах ти

мне! – воскликнула баба Клава и стала торопливо собирать тряпки с пола. – А как же они вошли, анафемы? Смотри, не пропало ли чего.

По свежему сквозняку и стеклу, бережно поставленному у стены под окном, стало понятно – сняли мастику снаружи и вынули стекло. Залезал кто-то субтильный, ловкий.

–

Ой, моего ноута нет! – Варя застыла с подушкой в руках. Думала, что, уезжая, хитро прячет его в кровати, под подушкой. И тут она не выдержала и слезы потекли по щекам. Захотелось все бросить и уехать в город, к маме.

–

Сейчас, немного приберем, дом закроем, и пойдем ко мне. Не плач, девка! А от меня уже в милицию позвоним. Найдут твой ноут, не горюй. Завтра красоту тут наведешь! – успокаивала ее баба Клава, сняв платок с головы и утирая ей слезы.

–

Завтра мне ехать надо – дела. Договорилась уже.

6. Разочарование

–

Я уже выхожу! У меня тут такое! Ты сможешь сегодня со мней сходить к Николаю Николаевичу? – Света не сразу узнала Варю, та говорила немножко в нос, слегка осипшим со сна голосом.

–

Конечно! Мы же договорились. А ты куда-то пропала, я уже думала, не пойти ли на работу. Хорошо, Макс позвонил, заговорилась. Что у тебя произошло?

–

Давай, уже при встрече? Бегу на автобус, через десять минут отходит, – перебросив через плечо большой холщевый шопер, в самых удобных кроссовках, Варя «срезала» к автобусу через пустырь, не боясь крапивы, которая не должна прожигать через джинсы. Но она все-таки проколола плотную ткань, и ноги стали сильно зудеть.

Автобус подозрительно затарахтел, как будто уже собирался отходить. Варя поднажала и легко запрыгнула в полупустой автобус. Тут он пару раз дернулся, как в конвульсиях и замер.

–

Опять, небось, сломался, – как-то очень спокойно сказала усталая тетка с корзинкой яиц на коленях. Волосы у нее выбивались из-под платка, и она пыталась сдувать с носа карминно-красную прядь. – На той неделе так же вышло. Не смог починить и пришлось часа два ждать другого автобуса.

–

Чинят ботинки, а автобус ремонтируют! – огрызнулся водитель, заглянув в салон вместе с облаком табачного дыма. И уже примиряюще добавил. – Ничего и не ломалось. Сейчас поедем.

–

Все он врет, пугать раньше времени не хочет, – прошептала сидящая сзади Вари смутно знакомая старушка. И вдруг, неожиданно громко вскрикнула. –

Ехай

! Ягоды сопреют, не довезу на рынок!

Водитель, щуплый плешивый мужичонка, как назло, спрыгнул в дорожную пыль и сначала долго плевал на свой окурок, а потом растирал его, смешивая с пылью на дороге, как будто был борцом за противопожарную безопасность. В этот момент, из дома за магазином выплыла необъятная молодая баба с русой косой и, таща две объемные сумки, заторопилась к автобусу. Водитель приосанился, став как будто выше, и одернул грязный пиджачишко, весь в дорожной пыли.

–

Лидк! Опаздываем, поторопись! – не догадываясь помочь, с напускной строгостью заторопил бабу шофер и игриво мазнул по ней взглядом.

–

Ее ждем, билетершу! Вечно опаздывает, – доверительно поясняла Варваре красноволосая. Но как билетерша вошла в автобус, бабы заткнулись и лишь возмущенно переглядывались. Единственным мужиком, сидящим в салоне, был грузный дед в меховой шапке не по погоде. Он нарочито внимательно смотрел в окно, демонстрируя явное нежелание принимать участие в бабьем базаре.

–

Сейчас нагоним! – и водитель легко вспрыгнул в кабину. И, правда, двигатель автобуса несколько раз фыркнул, закашлялся, спокойно заурчал и автобус медленно тронулся, поднимая за собой хвост пыли.

На каждой остановке в салон старенького автобуса карабкались люди из соседних деревень, с перекрестков и из леса с корзинками. Человеческая масса заполняла автобус, вызывая сомнение, что он сможет дотянуть ее до точки назначения. Варвару царапали корзинами, засовывая их ей прямо под ноги, дышали в лицо перегаром, задевали, хватаясь за поручни. Ей бы поехать на такси! Не так и дорого. Но она ни капли не жалела, а с наслаждением рассматривала этот разношерстный народишко и радовалась погружению в свое детство, когда приходилось довольно часто так ездить, на этом автобусе. Правда, тогда она уютно сидела на коленях у бабушки.

–

Что так долго? Бежим! Я договорилась, Макс нас подвезет, – Света показала на другую сторону улицы, где стоял маленький синий Форд. Из него, навстречу им, вышел высокий худой парнишка с русыми вихрами в жеваной белой футболке.

–

Я Максим, Светин парень, жених, – и он вдруг весь залился неровным румянцем от этого, нового, непривычного для него, слова.

–

Я Варвара, Светина одноклассница, — Варя с любопытством рассматривала этого необычного парнишку. Было в нем что-то такое в его серых глазах, что не позволило бы панибратски хлопать его по плечу но сразу было видно, что на него можно положиться, такой не подведет.

–

Я вас туда подброшу, а забрать уже не смогу, спешу, – он уже обращался только

к Светлане, как будто полностью забыв о Варе. Когда он смотрел

на нее, лицо его менялось, светясь изнутри, а Варя гадала, как можно работать в полиции с таким щенячье-добрым лицом.

Варя сбивчиво рассказывала Свете о том, что ее обокрали, разгромили весь дом, и о том, как страшно ей теперь.

Проскочив мимо знакомого кафе и переехав Ловать по тому самому мосту, возле которого они только вчера сидели со Светой, машина вскоре свернула в переулок и, юркнув между обшарпанных домов выгоревшего терракотового цвета, остановилась.

–

Ну, вам, вроде, сюда, – указал Макс на широко распахнутую дверь подъезда и, ловко развернувшись, быстро уехал. Подруги, задумавшись смотрели ему в след, не торопясь подниматься.

–

Как-то боязно. А вдруг он уже умер? Пока информация дойдет до архива… – Варя нерешительно топталась на пороге, как будто готовая уйти.

–

Пойдем! – потратив столько времени, Света была не готова отступать, это было не в ее характере, и смело шагнула в прохладный сумрак парадного.

Вопреки их ожиданиям, в подъезде было чисто, только слегка пахло кошками. Жильцы пытались как могли украсить лестницу, поставив унылый фикус на выщербленный подоконник.

–

Нам на третий, – Варя уже взяла себя в руки.

Позвонили. Тишина. Ожидание затягивалось. За дверью ничего не было слышно.

–

Может звонок не работает? – и Света решительно постучала кулаком.

И тут за дверью что-то зашумело. Раздался звук падающего стула, потом шуршание, как будто по полу тащат картонный лист и наконец, лязг открываемого замка.

–

Вам кого? – на них удивленно щурился взлохмаченный, неопрятный старик во фланелевой рубашке в пятнах. – Обознались?

–

Николай Николаевич Славунцов?

У деда отвисла челюсть, как будто он удивлялся звучанию собственного имени.

–

Да, – он задумчиво поскреб широкой пятерней плешивую макушку. – А вы кто? Зачем я вам?

–

Я ваша двоюродная племянница, внучка Марии. Мне нужно с вами поговорить. Пустите?

–

Марии… – он пробовал имя на вкус, как будто разжевывая его. И вдруг просиял. – Помню Машеньку. Ну заходите.

Взгляд деда потеплел, и он двинулся через полумрак коридора в большую, квадратную комнату. Беспорядок вокруг был такой, какой Варвара и представить себе не могла – пыль собралась клочьями вдоль старой стенки, в нее уже вросли разбросанные бутылки и пустые упаковки из-под лапши, в щели между стенкой и бельевым шкафом, комом, были засунуты использованные пакеты. А запах! Он напоминал Варе запах дорогого сыра, которым в детстве угощала ее мама, смешанный с удушливым запахом перегара и мочи. Она не выдержала и распахнула окно.

–

Можно? – обернулась она к деду, но он уже ушел в кухню ставить чайник. Он выглядел таким растерянным, что было непонятно, рад ли он гостям. Света в нерешительности стояла у дивана, брезгливо оглядываясь и раздумывая, садиться ли среди скомканных носков и неопрятных подушек в грязных наволочках.

–

Похоже, пьет он…

–

Но бабушка не могла этого предвидеть. Вряд ли это она имела в виду…

А Николай Николаевич стал неловко суетиться, то распихивая бутылки по углам, то протирая стол от пыли, то хватаясь за метелку. Видно было, что он смущен, пойманный врасплох на таком беспорядке. Дед вдруг отчетливо увидел его сейчас, как будто чужими глазами, хотя уже давно он не беспокоился о чистоте. А тут родственники, совестно.

–

Сейчас-сейчас, – он расставлял чашки по разложенному по столу, вместо скатерти, чистому полотенцу. – Как вас зовут, девочки? Что вас ко мне привело?

–

Меня зовут Варвара, а это моя подруга Света, – переживая о том, что не догадалась ничего принести к чаю, Варя отхлебывала на удивление крепкий ароматный чай. – Вкусный!

–

Я в него липовый цвет добавляю, – покраснел от похвалы дед и сразу стал казаться моложе. – Как липа-то цветет возле дома, аромат до головокружения! А они меня уговорили дачу-то продать, с липой, с прудом, как я продал им квартиру. Такой хороший домик у меня, у пруда! Но уж обещал… Из квартиры скоро выселяться надо, а деньги-то я уже куда-то потерял. Или их вовсе не было. Память плохая стала. Они же врать-то не будут. Заплатили, значит заплатили. А, вот, еще немного осталось.

Он открыл стенку и из-под стопок постельного белья стал вынимать беспорядочно рассованные жеваные купюры. Сумма была не похожа на ту, которую можно получить за его приличную двухкомнатную квартиру. Неожиданно для себя Николай Николаевич стал путано рассказывать о том, что помнил, о радикулите, о медицинской сестре, ее неприятной мамаше. Даже сейчас он не мог на них злиться и искренне считал, что сам виноват, наобещал, проворонил, запутался. Дед вконец разволновался:

–

Выпить у вас нет?

– с нездоровым блеском в глазах посмотрел он на девушек.

–

Нет! И не надо вам пить!

– строго сказала Света. – Сейчас мы вам поможем убраться. А еда у вас есть? Сходить?

–

Спасибо! Неловко. Я сам хожу.

–

Когда, говорите вам нужно бумаги подписывать на продажу дачи?

–

Завтра они придут, и поедем к нотариусу. Теперь уже приходит мамаша с парнем сестрички. Он такой крепкий, злой, я его боюсь.

–

Вы давно не были в Малаховке?

–

Давно не был, лет пятнадцать, наверное, с другом за грибами ездили. Леса там хорошие. К Маше тогда и заходили, она еще жива была.

–

Я предлагаю: поехали ко мне в Малаховку! Они придут завтра, а вас нет. А вы на природе отдохнете, и мне не так страшно одной будет, – неожиданно для нее самой, эти слова сорвались с Вариного языка. И уже сказав, она осознала, что именно так и надо сделать.

Света вытаращила на нее глаза и делала знаки: «Мол, не спеши, подумай».

–

Ну, не знаю, как я так поеду… Я же вас стесню. Хотя я на все руки мастер! Если что нужно… и электричество, и столярные работы, – к концу фразы дед явно загорелся такой идеей. – А что? Коль зовете, я бы и поехал, хоть ненадолго. Надоем, так тут ехать до дома совсем недалеко, вернусь. Хотя, дома-то у меня уже и нет… Дурак я!

Общими усилиями прибрались и собрали деда в дорогу. Еле отговорили его брать с собой огромный допотопный чемодан с металлическими уголками, который он пытался непременно захватить, достав с антресолей.

–

Вот ведь у вас сумка есть! – наблюдательная Света двумя пальчиками вытащила из-под стула спортивную сумку средних размеров, – Ее и берите.

Николай Николаевич полностью обмяк, перестал сопротивляться, и плыл по течению кипучих инициатив этих девушек. Снова доверчиво перепоручил свою судьбу в женские руки. Но на этот раз ему повезло, это были не алчные когти черных риэлтеров, а заботливые руки дальней родственницы, твердо решившей его спасти.

Когда уже грузили вещи в такси, а вещей оказалось нимало – в последние минуты дед рассовал по огромным матерчатым мешкам и консервы, и растительное масло, и какую-то сушеную рыбу из холодильника и много еще каких-то непонятных пакетиков, в которых некогда было разбираться. Багажник такси был полон. Шофер, рыжий мужичек с бесцветными ресни-

цами и бровями, не спешил, спокойно пережидая бестолковые сборы дяди. Света отвела Варю в сторону.

–

Наверное, ты все правильно делаешь. Не знаю. А я попрошу Макса разобраться в этом деле с квартирой. Ведь это явно незаконно. Может, он сможет что-то сделать?

–

Спасибо тебе Света! Ты во всем мне помогла. Буду теперь ждать тебя в Малаховке. Приезжай, как сможешь! С Максом приезжайте. На речку сходим, в лес, – Варя обняла Свету.

Потом Варя еще долго махала Свете из отъезжавшего такси, а Николай Николаевич замер, как будто весь окаменел, так и просидел, молча, полдороги. Наверное, он понимал, что сюда ему никогда больше уже не вернуться?

7. Три шага до цели

Осталось совсем немного, он это чувствовал! Цель была совсем близка. Конечно, он сам разберется в этой шифровке. Нельзя ее никому показывать! Да и не шифровка это вовсе, а какая-то абракадабра. Написано неразборчиво, с использованием непонятных значков. Кто написал ее был большим шутником!

Шрам громко поскреб пальцами седую щетину на подбородке и зажег лампадку перед маленькой иконой, доставшейся еще от бабки. Он никак не мог решить, верит ли в бога, и последнее время, бог уж точно отвернулся от него и совсем не помогал, хотя он поставил ему столько дорогих свечек, сколько не может себе позволить рядовой пенсионер.

Еще наседает этот этнограф, мать его! Возомнил себя главным. Прилипчивый как банный лист, зануда! Хорошо, что не сболтнул ему о записке, о зашифрованном плане поиска ценностей. Еще мать-старуха ему, мальцу, рассказывала, пока совсем память не потеряла, что, мол-де, богатства церкви прихожанам раздали, чтобы спрятали от фашистов. Но это не так. Вернее, не совсем так. По его, Шрама, разумению сначала спрятали основные сокровища, а уж что осталось, менее ценное, раздали хранить верующим гражданам. Да и то, почти все эти ценности во время оккупации фашисты у населения отобрали. А основные сокровища лежат, ждут его. Он сам все продаст, без него, этого этнографа. Не будет дармоеда кормить, даром, что кое-что он уже через него перепродавал. Но это по мелочи, церковные книги у односельчан менял, неценные иконки и прочее.

После революции, у новой власти еще не всюду руки дошли, и их церковь сразу не успели снести, а только заколотили и церковное имущество в ящики упаковали. Не все, только самое ценное, золото да серебро, оклады, лампадки, утварь, старинные кресты и многое другое, что в изобилии рисовала фантазия алчного кладоискателя. Кое-какие иконы еще оставались в церкви, а тут – война! Оккупация началась с августа 1941 года. Это он плохо помнил, малой был.

Было очень страшно, фашисты быстро, рывком, прорвались и захватили Великие Луки. Прямо перед этим приехал взвод солдат, вынесли из церкви ящики в грузовик и увезли. Что-то попрятали верующие люди по домам. Когда взрывы загремели неверующих-то не осталось, все истово молились, как умели. Ему казалось, что солдаты на грузовике недалеко ездили, вернулись быстрее чем через час. А ведь место найти еще надо было, закопать? Шрам подробностей не помнил, но мозг постоянно выдавал ему страшные картины оккупации и войны, во снах, в полубредовых кошмарах. Ему, мальчишке, казалось, что ночное небо тогда упало на них, с воем сирен, свистом пуль и дрожью земли от взрывов, терзающих родную землю.

Не дай бог больше никому пережить такое! Немного свидетелей осталось. Вся жизнь его искорежена, истерзана этим страхом! Осталась только одна цель – пожить хорошо на старости лет. Что такое хорошо, он смутно себе представлял, но был уверен, что как только деньги окажутся в его руках, они сами ему подскажут, как жить дальше. Остальные попляшут перед ним. Халдеи!

Он выглянул в низенькое окошко – заря только затеплилась на горизонте. Так рано он стал вставать! Старость, не спится. Сначала налил себе крепкого, по тюремной привычке, чая и, закрыв дверь на огромный крюк, снова тревожно зыркнув в окно, достал заветную пластиковую папочку. В ней он хранил убедительно желтый, ветхий листик с крошащимися уголками. Раскрыл его и, расстелив рядом новый двойной лист в линейку, взял ручку. На этом новом листке были уже записаны немецкие слова с переводом, но оставалось еще место, куда он собрался записывать. Но что?

–

Не дурак же я, пойму, – сипло прорычал он и впился глазами в неровные строчки листка.

Все записи на листке можно было разделить на четыре группы. Слова, фразы, сделанные черными чернилами, поспешно, с сокращениями – очевидно, это первая и самая ценная часть. Но слова были почти неразборчивы, чернила сливались.

Ко второй группе можно было отнести значки сделанный той же рукой, черными чернилами. Они, как будто подменяли собой кусочки текста, использовались для скорости или убедительности.

Третья группа – пометки синим, аккуратно, на полях, по-немецки. Он выписал эти слова на чистый лист, а приезжавший к нему на каникулы внук их перевел. Нет, этот олух не знал немецкого, просто нашел слова в своем телефоне, в котором сидел с утра до вечера, ни лес, ни речка его не заинтересовали. Не заинтересовала даже головоломка, которую рискнул ему показать дед. Конечно, он не раскрыл ему всей сути этой ценной бумажки, ничего не сказал о сокровищах. Так, мол, «головоломка». Но разве этих детей чем-то можно заинтересовать?

И, наконец, четвертая группа, это его собственные пометки карандашом, комментарии. Все они оказались ошибочны, но стирать их он не решился, боялся, что листок не выдержит и развалится на куски. Может стоило укрепить его снизу скотчем?

Шрам был не в силах осознать, что поиски сокровищ стали его идеей фикс, из-за которой все краски его жизни померкли. Казалось, что он несся по жизненному коридору к заветной цели, не замечая и не ценя ничего вокруг. Он не понимал, что от огромного пирога его жизни, остался маленький ломтик, а то и несколько крошек, а он растеряет их в погоне за призрачными сокровищами.

И его гнал вперед азарт. Не осознавая, что не деньги и богатая жизнь его влекут к цели, а лишь адреналин, от которого колотится сердце. И сейчас, когда он снова достал этот листок, ощутил дрожь в руках не понимая, что эта гонка сжигает его, превращая жизнь в бег в тоннели, где может не хватить сил добраться до брезжащего вдалеке огонька.

–

Стрелка вправо, это поворот нашей дороги направо, стрелка влево, поворот влево. А цифры над стрелкой – сколько километров до следующего поворота, – он, в который раз, начинал рисовать изогнутую, как змею, дорогу с поворотами и пробелами помечать на отрезках дороги километраж.

Это он понял давно, но пройдя две дороги неподалеку их отсеял, они совершенно не соответствовали описанию. Оставалась только одна, которая протыкала деревню насквозь, то есть ее можно было тоже рассматривать как две – если идти по ней на северо-запад, то это одна дорога, а на юго-восток – другая. То есть шансы у него еще есть. Только как бы не ошибиться с замером километров! Тут его пронзила мысль: вдруг тот, кто писал эту записку и сам был неточен, или, что хуже того – ошибся! Он весь взмок от этой мысли. Зачерпнул эмалированной кружкой из ведра ледяной воды и жадно попил. Заметил, что солнце уже высоко, часов восемь.

–

Вот только что означает эта дуга? После стрелок? – снова вслух спросил он. Привычка говорить с самим собой у него появилась давно, и он не считал ее проявлением старческого слабоумия, а напротив, она помогала ему сосредоточиться и уяснить себе многие вопросы. – Взгорок? Кочка? Хороший ориентир. Она должна быть высокой, заметной…

–

А может, цифры на стрелках и вовсе не километраж? А количество ящиков, спрятанных в разных местах? Тогда схронов должно быть несколько? Три? – он вскочил и заходил по комнате.

–

Нет, не может быть! У них совсем не было времени на несколько схронов, да и ящиков не могло быть столько.

Он аккуратно записал на двойном листке начало текста, первую расшифрованную строчку черными чернилами, которую, как он ее понял: *30 июля 1941 года рядовой Никодимов В. М. по приказу (дальше совсем непонятно, цифры? Фамилия?) перевез предметы хранения (культа?)… а дальше пошли стрелки и размазанные слова.*

Вдруг он услышал стук в дверь. Выглянув в окно, он увидел знакомый черный джип и догадался – этнограф! Как он прозевал звук двигателя? Глух стал? Торопливо, сложив бумаги и убрав папку в укромное место, Шрам унял дрожь в руках и распахнул дверь хаты.

8. Встреча в лесу

Выходные подкрались незаметно. Уже два дня, как дядя Коля жил в избе с Варей. Первой ночью она плохо спала и уже жалела, что совершила такой спонтанный поступок. Ей казалось, что нервничает она даже больше, чем тогда, когда ютилась здесь одна. Но утром, проснувшись от аппетитных запахов, доносящихся от печи, и открыв глаза, она с удивлением, обнаружила на своей кухне чужого дедка с глазами цвета линялых васильков и доброй улыбкой на лице. Спросонья не сразу вспомнила события прошлого дня и очень удивилась, что Николай Николаевич полностью преобразился, переодевшись в чистое. Надышавшись сельского воздуха, он выглядел совершенно иначе – его редкие волосы, которые почти покинули темя, были аккуратно причесаны и мокрыми бороздками лежали на голове, демонстрируя относительное богатство только при спуске на затылок.

–

Ты, девка, не думай, я у тебя недолго поживу. Только пока они от меня не отцепятся. Вот замок тебе купил, дверь вся раскурочена, вставлю. Потом лавку починю, да и съеду к себе назад, – торопливо оправдываться дядька. – Садись, поешь.

Яшенку

с салом сварганил.

–

Откуда у нас сало? – только и успела спросить Варя, а дядя уже наливал ей в кружку кипяток, сначала выложив на тарелку три жареных яйца с прозрачными кусочками сала, закрутившегося прозрачными колечками. – Спасибо.

–

Захватил из города. В кипяток кидай скорее пакетик чая. Есть чай?

–

Нет, кофе насыплю. А вы со мной?

–

Я поел уже. Рано встаю. Замок надежный, сейчас врезать буду. Кто у вас так дверь разворотил?

–

Деньги я верну за замок. Спасибо. Воры ко мне залезали, мой ноут стащили.

–

Ноут что…?

–

Компьютер украли.

–

А… А денег мне не надо возвращать. У меня есть, вы же видели. Замок починю. Жердочки срублю и забор поправлю. А там и – домой.

–

Не торопитесь! Вам там опасно. Да и подождать надо, пока Света с женихом не разберутся с вашими делами.

Варю удивлял этот юркий старичок, который так быстро освоился в ее доме и чувствовал себя здесь как рыба в воде. Еще вчера она испытывала неловкость, с чужим человеком в доме, а сегодня это ощущение полностью исчезло, и ей казалось, что она его знает давным-давно. Варя постелила ему на диване, в алькове за печкой, где она спала, когда приезжала мама.

–

А ты что, меня не помнишь? Я ведь навещал вас с Марией, когда ты маленькая была, лет семи, а может десяти… – как будто читая ее мысли, он пустился в воспоминания. – Мы

тогда часто приезжали с женой-покойницей, дом продавать. Ей так хотелось. А я долго жалел отцовский дом. Я тебе его потом покажу. Может там теперь другие люди живут? Детишки? А у-то меня деток не было. Жизнь проскочила, как миг. Подумаешь, вроде, как и не успел пожить. А теперь уже поздно …

Дед Коля задумчиво и грустно смотрел куда-то перед собой, вдаль, отхлебывая кофе, который все-таки налила ему Варя.

–

Плохо помню. Наверное, маленькая была. Надо к бабе Клаве будет сходить за молочком, – подумала вслух Варя. – Вечером кашу сварим.

–

К Клавдии Сергеевне? – встрепенулся дядя, покраснел и завертелся на месте. – Как она? А Василий?

–

Вы их знаете? – заметила Варя его волнение. – Василий умер. Баба Клава одна. Справляется, хозяйство большое.

–

Мы в детстве дружили, – дядя не был готов выворачивать душу и рассказывать о своей первой любви к величавой красавице Клаве. Он долго об этом не вспоминал, а тут в Малаховке, как будто вернулся в прошлое, в свою голодную юность.

Пока Варя мыла посуду в тазике остатками теплой воды из чайника, дядя деловито сновал мимо нее, неся в руках то стамеску, то молоток, то топор.

–

Где вы все это находите? – удивлялась Варя обилию инструмента. – Всего ли хватает? А то я у бабы Клавы попрошу на часок, у нее все есть.

–

Нет, не надо! Кое-что на печке нашел, кое-что под лавкой в сенях. У нас тоже все есть. Сам с усам!

Немножко резануло слух «у нас». Но Варя сразу вспомнила завещание бабушки, и решила, что пока не разобрались, надо спасти хотя бы этого Колю, если нет другого. Тем более, он ей все больше нравился. «Вот мама-то удивиться, когда примчится на выходных, что я не одна. А с мужчиной!» – и она громко прыснула, прикрыв рот ладонью.

–

Варя! Я пойду в лес, недалеко,

жердинку

срублю, штакетник надо чинить, – накинув куртку цвета хаки с надписью «стройотряд» на спине, он, слегка прихрамывая, пошел в лес.

Тут Варю осенило, что так он суетится, трудится, чтобы отвлечься от мыслей о выпивке. Похоже, его медсестра прочно подсадила на водку? А он волевой, молодец, сопротивляется, барахтается!

Раздалась затейливая трель Вариного телефона.

–

А, Лиза! – громко кричала Варя, потому что плохо слышала где-то далеко тихий голосок Лизы. – Приедешь? Завтра утром? Отлично!

–

Не знаю, в лес еще не ходила.

–

Ты удивишься, я теперь не одна живу! Увидишь, с кем.

–

Нет, замуж не вышла. Ну, жду завтра.

–

Пока!

После глупых вопросов Лизки Варя загрустила. Прибралась в избе и удивилась, как аккуратно застелил свой диван дядя, сложив вещи в ногах ровной стопкой. Почувствовала, что уже хочется есть, но без дяди садиться не захотела и посмотрела на часы. Дяди не было уже три часа.

Страх незаметно подкрался под кожу и мурашками стал выходить наружу. Что делать? Ведь он ненадолго пошел, обещал быстро. Воображение рисовало страшные картины того, что могло случиться с дядей. Пришлось идти, как всегда, к бабе Клаве. Та, на своей маленькой терраске, перетирала чернику с сахаром и раскладывала по банкам.

–

Давно не виделись, – опередила ее баба Клава. – Смотри, сколько черники набрала. Вчера ведро, сегодня ведро. Наморозила, наварила. Пойдешь завтра со мной? Там

низочком

надо идти, ягода крупнее в

сырине

и

небраная

.

–

Я не за этим! У меня дядя пропал!

–

Пропал, говоришь? А появился-то когда? – хитро ухмыляясь смотрела на нее баба Клава. – Что-то я у тебя никаких дядьев-то и не видела.

–

Это Николай Николаевич Славунцов! Два дня у меня живет. Я потом подробнее расскажу. Надо бежать искать! В лес пошел и заблудился! Почти три с половиной часа нет его. – голос Вари срывался, совсем она распереживалась.

–

Славун? Тут живет, а поздороваться не зашел! Мы ведь с ним почти женихом с невестой были! Если б не мой Васька, глядишь, и поженились бы. Не может в нашем лесу Славун заблудиться, он

кажную

кочку в этом лесу знает! Вырос он тут. Может просто пошел, да и помер! С сердцем что-то…

–

Да что же вы говорите такое? Не может этого быть!

–

Все может. Никак все под богом ходим. Пойдем искать!

И баба Клава, и так весь день проведя в лесу, тяжело, сгорбившись, сунула ноги в короткие резиновые сапоги и посмотрела на Варю.

–

Сапоги надень и куртку. Косынку повяжи, клещей полно.

Собрались быстро. Скоро они уже подходили к лесу, темной громадой закрывающему горизонт, враждебному, как спящий великан-людоед. Варя достала и включила фонарик.

–

Выключи! Не понимаешь, с ним видно только то, что в круге. Пусть глаза пообвыкнут и будешь видеть вокруг не хуже кошки.

Ночной лес был полон шорохов и ароматов. Сначала под ногами была твердая дорога, только трава по обочинам шуршала о сапоги. Роса быстро намочила не только сапоги, но низ брюк.

–

Здесь напрямки срежем, – почему-то шептала обычно громогласная баба Клава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.